

СЛОВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И БЫТИЯ

© Т.Е.Владимирова

Статья посвящена древнейшему пласту русской языковой картины мира: терминам родства. Особое внимание уделяется изменениям семантики начальной индоевропейской формы вплоть до ее функционирования в речи современных носителей языка. Сопоставление национальных этикетных формул обращения свидетельствует об их лингвокультурном своеобразии, за которым отчетливо просматриваются аксиологические представления и ментальные стереотипы, уходящие в далекое прошлое. Изучение бытования терминов родства позволило проследить становление русского языкового сознания, сформировавшегося на фундаменте общинно-семейных ценностных ориентиров речевого поведения. В этом изначально проявилось отличие древнерусских представлений о «должном» от лично ориентированных западноевропейских.

Ключевые слова: термин родства, картина мира, языковое сознание, бытие, межкультурное общение.

Присваивая «культурно-языковые» картины мира и особенности его языковой концептуализации, человек становится носителем заложенных в них принципов бытия и отношения к миру, к Другому, к самому себе. Поэтому исследовательский горизонт когнитивной лингвистики, призванной стать своеобразной школой познания / самопознания национальной языковой личности, предполагает обращение к языковому сознанию и тому исторически сложившемуся модусу бытия, в котором протекало ее формирование и развитие.

В центре внимания настоящей статьи древнейший пласт русской языковой картины мира: термины родства, среди которых особое внимание будет сосредоточено на самобытном концепте «**брат**». При этом мы будем исходить из понимания языкового бытия как когнитивно-коммуникативного процесса (Аристотель), вбирающего в себя деятельность как потенцию (*dynamis*), собственно деятельность (*energeia*) и представление о ее завершенности и совершенстве (*entelecheia*) [1: 64]. А языкового сознания – как «совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» [2: 26], в которых находят выражение его бытийная, рефлексивная и духовная стороны [3: 320]. Что же касается исторически возникавших и сосуществующих типов сознания, то мы будем опираться на концепцию Г.Г.Шпета¹, ко-

торая стала доступной благодаря публикации его архивных материалов В.П.Зинченко [3: 79-80].

Русская лексема **брат** (белорусское, болгарское, сербское и украинское *брат*, кашубское и польское *brat*, верхнелужицкое и чешское *bratr*, словенское *bratər* и др.) – результат последовательного преобразования индоевропейской формы **bhrāter* в общеславянскую, а затем и в древнерусскую: **bhrāter* → *bratrŭ* / *bratŭ* → *братрь*. Но, в отличие от современного значения, индоевропейский термин **bhrāter* служил наименованием братства, объединявшего лиц мужского пола не по крови, а в силу мистического родства, за которым стоял древнейший культ матери-прародительницы. Следовательно, слово **bhrāter* может рассматриваться как «языковое овнешнение», соотносимое с религиозно-мифологическим сознанием (Г.Г.Шпет), наделявшим женщину, по аналогии с Землей, способностью к произвольному зачатию и рождению потомства [4: 20].

Данное значение было унаследовано греческим термином *φράτηρ* (*phrātēr*) ‘член фратрии’, объединявшей потомков одного отца *πάτερ* (*patēr*), который не обязательно был их родителем. Поэтому со временем это слово практически стало употребляться только в форме множественного числа *phrāteres* [5: 149]. Невозможность при полигамных отношениях установить кровное родство закономерно привела к тому, что все старшие мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии *φράτρα* (*phrātra*). Это позволяет рассматривать «овнешненный» в слове *φράτρα* образ братства как выражение сакральной сущности (*entelecheia*), которая регулировала жизнь рода, подчиняя себе

¹ Согласно Г.Г.Шпету, в эволюции человека целесообразно различать такие типы сознания, как называющее (язык); религиозно-мифологическое, полностью опосредующее мировосприятие; художественно-героическое, преобразующее действительность и приобщающее ее к «социо-культурному бытию»; научно-техническое (познающее); культурно-историческое, основанное на понимании человеком «наивно-истори-

ческих его достижений» и философско-культурное, которое «преобразует социальный лик человека».

бытийную и рефлексивную составляющие сознания.

Что же касается русского наименования *сестра*, то оно восходит к индоевропейскому понятию **swesor* ‘представительница женского пола по отношению к лицам другого пола, входящая в большую семью’. По мнению О.Н.Трубачева, древний индоевропейский термин служил «обозначением женщин одного брачного класса, связанных, с одной стороны, определенными кровными узлами и, с другой стороны, имевших право брачного сожителства с мужчинами соответствующего мужского брачного класса» [4: 66]. Таким образом, в отличие от современных понятий *брат / сестра*, индоевропейские термины **bhrāter* / **swesor* изначально не составляли симметричной пары.

Позднее, когда была установлена связь между зачатием и рождением, возникла потребность в обозначении единокровных братьев и сестер. Возросшая значимость рефлексивной (рациональной) составляющей сознания сопровождалась постепенным затуханием сакральной коннотации унаследованных терминов родства и появлением новых, в которых она не акцентировалась. Так, например, в греческом языке для названия кровного родства, соединяющего брата и сестру, использовались слова *ἀδελφός / ἀδελφή* (*adelphós / adelpha*) ‘вышедший – вышедшая из одного чрева’. В этом же значении употреблялись также прилагательное *ομογάτριος / ομογάτριη* (*homogástrios / homogástria*) ‘единоутробный / единоутробная’ и специальное выражение *ομοπάτριος, ομομητριος* (*homo-pátrios, homo-métrios*) ‘от одного и того же отца, от одной и той же матери’ (ср. с аналогичным выражением в персидском языке *hamapitā, hamāitā*).

Развивающееся брачное и наследственное законодательство также требовало выделения степени кровного родства. В результате латинский термин *frāter* ‘брат’ для обозначения «брата по роду», или «брата по крови», был преобразован в словосочетание *frāter germanus*. Так в язык вошло понятие *germanus* ‘единокровный брат’, а в иберо-романских языках для названия «брата и сестры по крови» стали употребляться производные от него термины: в испанском *hermano / hermana*, а в португальском *irmão / irmãa*. Аналогичным образом описательное наименование *frāter patruelis* ‘двоюродный брат’ было элиминировано, и для обозначения данной степени кровной связи в дальнейшем использовалось лишь прилагательное *patruelis*. Наряду с лексико-семантическим способом образования (*frāter germanus* → *germanus*), новые термины в этих языках формировались также морфологически,

например, сложением основ (*homo-pátrios, homo-métrios*) [5: 149]. Параллельно понятийная пара *frāter / soror* и другие старые термины родства продолжали использоваться, следуя евангельской традиции общения первых христиан, в качестве обращения к священнослужителям и исповедникам веры.

В древнерусском лексико-семантическом поле родства также сохранялись исконные термины. Более того, заложенная в них сакральная сущность получила новое звучание и воспринималась как заповедь любви к ближнему. В этом контексте отметим традиционное обращение к православным верующим **Братья и сестры!**, которое со временем приобрело коннотацию высокого стиля речи. Что же касается появления новых понятий, то они представляли собой разнообразные производные от ключевого термина *брат*. Например, *братань* ‘двоюродный брат’, *братаничь, браточинь, броточадо* ‘сын брата’, *братана, братаньна, браточада* ‘дочь брата’, *братень, братень* ‘дети брата’, *братство, братрье, братица, братьеца* ‘братия, братья, товарищи» [6: 167 – 174] и др.² Но в итоге в языковом строе утвердился более удобный, аналитический, способ, когда ключевой термин уточнялся определением: *родной, кровный, двоюродный, сводный, названный брат*. В принятии данного принципа «языкового овнешнения» нашло отражение целостное восприятие мира и бытия: родственные отношения объективировались исходя из обобщающего понятия, укорененного в сознании носителей языка. В результате новое не отрицало, а лишь дополняло привычную картину мира и бытия.

Для иллюстрации приведем наименования кровного и социального («свойского») родства в русском (1), английском (2) и французском (3) языках: 1) *Родной брат, кровный брат, единоутробный брат, двоюродный брат, троюродный брат, сводный брат, названный брат*; 2) *Brother, blood brother, half-brother, cousin, second cousin, step-brother, called brother*; 3) *Frère, frère de sang, demi-frère, cousin, petit cousin, demi-frère, appelé frère*³. В постоянстве базовой лексемы *брат* в составе русских терминологических словосочетаний проявилась, как представляется, с одной стороны, тенденция целостной языковой концеп-

² Примечателен и отмеченный И.И.Срезневским глагол *брататься: Дѣдъ нашъ братася съ нимъ въ цѣркви* («Четьи Минеи») [6: 167].

³ Предпринятое рассмотрение терминов родства в белорусском и украинском, а также в датском, испанском, итальянском, немецком, португальском и шведском языках подтвердило сделанное наблюдение.

туализации мира, а с другой – сформировавшийся в Древней Руси уклад «семейно-родовой общины» (Г.В.Вернадский) [7], в котором тесно переплетались собственно родственные и «свои-ские» отношения. Напротив, в западноевропейской лингвокультурной традиции, в силу влияния Римской законодательной системы, нашла отражение иная, детализирующая, языковая концептуализация, что предполагало уровневую дифференциацию родства. Отмеченные особенности, как нам кажется, имеют и более общий характер: за охарактеризованными способами объективации родства в русском и западноевропейских языках стоят различные культуры: коллективистическая с унаследованными сакральными представлениями и индивидуалистическая с возрастающей ролью рефлексивного (рационального) начала [8].

В Древней Руси, кроме братьев по крови, монашеской братии и крестного братства, различали также княжеское братство. Оформившись в X – XI вв., эта «дружина-братство» представляла собой княжью воинскую семью во главе с князем-отцом, поэтому входившие в нее молодые люди считались между собой братьями, что и обусловило обращение. Обращает на себя внимание и тот факт, что этимологически данное слово *друг* имело значение «спутник, товарищ на войне». Более того, как показали исследования, «оказываются отдаленно родственными слова *Русь* и *друг, друзья, дружина* в самом русском языке» [9: 155]. Братское единство искони скрепляло воинский дух русской рати на поле брани. В качестве иллюстрации сошлемся на обращения из «Слова о полку Игореве»: *Не льбо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о глѣку Игоревѣ, Игоря Святъславича?; Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бързья комони да позрим синего Дону* и др. [10]. Таким образом, в древнерусском собирательном слове *братия* обнаруживается связь с традициями греческой фратрии, восходящей к индоевропейским представлениям о братстве (**bhrāter*).

И здесь перед исследователем возникает вопрос: характерен ли образ братского единства, «овнешненный» в слове *братия*, для других западноевропейских языков? В поисках ответа обратимся к выдающемуся памятнику французской средневековой литературы «Песнь о Роланде» [11], которую объединяет со «Словом о полку Игореве» не только жанровая общность: оба шедевра мировой литературы отражают картину мира и бытия, свойственную «художественно-героическому сознанию» (Г.Г.Шпет).

Прежде всего, отметим тот факт, что в «Слове» обращения *братие, братие и дружино, дружина, князи и дружина*, в совокупности встречающиеся 9 раз, создают атмосферу единения и соучастного бытия. Что же касается французского текста «Песни о Роланде», то в нем нет обобщающего понятия *братия*, соотносимого с греческой фратрией, индоевропейским братством или древнерусской дружиной. В контекстах, где они могли бы возникнуть, употребляются такие слова, как *seigneurs, barons, seigneurs barons, seigneurs Francais, barons Francais, chevaliers, amis, armée*, которым в русском переводе Ю.Корнеева соответствуют *сеньоры, бароны, сеньоры и бароны, французы, рыцари, друзья, дружина / войско*. Когда же речь идет о персональном обращении, то в оригинальном тексте наиболее частотным является *compagnon* ‘спутник, соратник’, что с учетом древнерусского речевого узуса справедливо переводится как *побратим* или *собрат*. Примечательно, что в тексте оригинала братьями названы лишь кровные братья. Исключение составляет использование термина родства *frère* ‘брат’ в качестве обращения Роланда, племянника короля Карла, к своему другу графу Оливье: *Olivier, frère, comment pourrons-nous faire?/ Брат Оливье, скажите, что нам делать?* Примечательно также обращение Роланда к королю в минуту крайней опасности: *Ah, roi, ami, que n’êtes-vous ici?/ Ах, друг-король, опора наша, где вы?* [11-12]. Таким образом, характер обращений в рассматриваемых героических сказаниях свидетельствует о различных модусах бытия, а следовательно, и о своеобразии стоящих за ними сущностных доминант. «Песнь о Роланде» посвящена воспеванию верности рыцарей королю Карлу, и поэтому в ней подчеркивается их личная преданность, а «Слово о полку Игореве» – идея соучастного бытия и единства, необходимых для защиты и благополучия земли Русской.

Не удивительно, что образ братского единства, «овнешненный» в собирательных понятиях *братья / братия*, составил сущностную основу целого ряда наименований со значением содружества людей, объединенных общим делом или задачей: *братство, братовщина, братаницина, братчина* и др., которые использовались наряду с *общиной, товариществом, кругом* и *артелью* [13: 124]. Примечательно также понятие *братский двор*, или место общего схода, где обсуждались все дела общины [14: 59].

Обращает на себя внимание и характерное для русского речевого поведения [13: 124] и, в частности, для поэтического дискурса использование слова-концепта «брат» в качестве обращения к адресату, с которым нет кровного родства.

Так, например, у А.С.Пушкина: *Лицейской жизни, милый брат, Делю с тобой последние мгновенья. Святому братству верен я («Разлука»); Мы рождены, мой брат названный, Под одинаковой звездой («Дельвиг»); Помнишь ли, мой брат по чаще... («Воспоминания»); А что ж Онегин? Кстати, братья, Терпенья вашего прошу...; Ах, братцы! Как я был доволен... («Евгений Онегин»); Я, братцы, мелкий мещанин... («Моя родословная»).*

Семантическая близость слов *брат / братья* и *друг / друзья* отчетливо просматривается в поговорах, которые высоко оценивают братские и дружеские отношения, предостерегая от нарушения должных взаимоотношений: *Доброе братство милее богатства; Братская любовь лучше каменных стен; Нет друга супротив родного брата; Без друга – сирота, с другом – семьянин; Без друга жить – самому себе постылым быть; Без друга в жизни тужо; Другу дружи, другому не вреди; Всяк сам себе и друг, и недруг; Рад другу, да не как себе; Свой своему поневоле брат; Этого братца и в ступе пестом не утолчешь; У нашего свата ни друга, ни брата; Брат он мой, а ум у него свой; Брат брату – сосед; Брат – брат, сват – сват, а денежки не родня; Брат не брат, а в горох не лезь; Брат на брата – хуже супостата* и др. [15].

Таким образом, в языковом, изначально дихотомичном (<сакральное – мирское>), сознании впоследствии были «овнешнены», наряду с возвышенными, идеальными образами, сугубо житейские, с оттенком уничижительной иронии. В итоге православные императивы бытия и укорененные в сознании представления о братских отношениях, в течение длительного времени обеспечивавшие единство и выживаемость народа, все более становились предметом личного выбора. Вместе с тем, использование терминов родства в обращениях к незнакомым или малознакомым людям оставалось характерной чертой «народной личности» (И.В.Кириевский) [16]. В подтверждение сошлемся на повесть «Среди рабочих» (1904) знатока народной речи С.И.Подъячева, в которой рассказывается о судьбе бывших крестьян пореформенной России⁴.

Отмеченная тенденция сохранялась и с ростом уровня образования и развитием таких типов сознания, как «научно-техническое», «культур-

но-историческое» и «философско-культурное» (Г.Г.Шпет). Полагая данную особенность «неизменяемой топики» русского языкового бытия, сошлемся на следующие фрагменты из произведений В.М.Шукшина⁵: *Ну, это я, брат, не знаю – чего радоваться, – заговорил Егор; Ну, братцы, не понимаю вас; За мной, братики!; Братья и сестры, – проникновенно сказал он («Калина красная»); Жизнь – это, брат, тоже школа, только лучше; Что, братцы, носы повесили? – спросил Пашка; Братцы! – заорал он («Живет такой парень»); Э-э, братец, да ты сам безграмотный («Кукушкины слезки»); Что, брат, доигрался? («Думы»); Вот, брат, какое дело... («Печки-лавочки»; «Думы»); Братцы, может, не надо? Братцы, может, она одумается? («Энергичные люди»); Братцы, кто-то один из вас меня предал («Воскресная тоска»); Так, братики!.. – Он коротко и невесело хохотнул («Капроновая елочка»)* и др. [18]. Приведенные обращения привносят в повседневную речь незнакомых и едва знакомых людей черты внутрисемейного общения с естественной для него установкой на теплое и доверительное взаимодействие. Подобное речевое поведение не характерно для западноевропейской культурной традиции, ориентированной на следование правилам этикета⁶, и поэтому может осложнить достижение взаимопонимания.

Подведем итоги.

Обращение к предыстории слова *брат* позволило выявить изначально заложенную в нем сакрализацию братства. Впоследствии унаследованное русским языковым сознанием отношение к соучастному бытию приобретало новые «приращения смысла». Но, являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, рассматриваемый термин родства продолжает восстанавливать в сознании «память культуры», а тем самым и самобытный способ бытия русской языковой личности. Поэтому слово-концепт «брат» остается ключевым понятием русской картины мира, раскрывающим прототипические особенности национальной языковой личности.

⁴ Согласно нашим подсчетам, соотношение обращений к незнакомым или мало знакомым лицам таково: *брат / братец / братцы* (42%), *ребята / ребятаушки* (17%), *друг / дружище, други* (11%), *родной* (11%), *батюшка* (7%), *земляк* (4%), *милый / миленький* (4%), *православные* (2%), *голубчик* (1%) [17].

⁵ В словарях современного русского языка данное употребление терминов родства сопровождается пометой: *просторечное, разговорное, доброжелательное, дружеское* и др.

⁶ В западноевропейских языках подобное использование терминов родства, насколько нам известно, встречается в испанском: *hijo* 'сын', *hija* 'дочь'; *hermano* 'брат', *hermana* 'сестра' и в шведском: *fader / far* 'отец'; *moder / mor* 'мать' языках [19].

1. *Гайденко П.П.* Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // *Философия природы в античности и в средние века*. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 37 – 77.
2. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // *Языковое сознание и образ мира* / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24 – 32.
3. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
4. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древних терминов общественного строя. – М.: КомКнига, 2006. – 240 с.
5. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
6. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1420 с.
7. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2005. – 339 с.
8. *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
9. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 990 с.
10. *Слово о полку Игореве*. – М.: Наука, 1985. – С. 9 – 20.
11. *La Chanson de Roland. Texte critique, accompagné d'une traduction nouvelle* // Gallica.bnf.fr: Bibliothèque numérique. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102947j> (дата обращения: 01.02. 2015).
12. *Песнь о Роланде*. В переводе Ю.Корнеева // *Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро*. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 27 – 144.
13. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т.1. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.
14. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отдел Москов. Патриархата, 1993. – 1120 с.
15. *Даль В.И.* Пословицы русского языка: В 2 т. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.
16. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е.Комаровскому) // *Киреевский И.В. Разум на пути к истине*. – М.: «Правило веры», 2002. – С. 151 – 213.
17. *Подъячев С.П.* Деревенские разговоры. – М.: Советская Россия, 1975. – С. 19 – 167.
18. *Шукин В.М.* Калина красная. Рассказы. – М.: У-Фактория, 2004. – 576 с.
19. *Иванов А.Н.* Концепты родства в русском и шведском языках // *Zpu-journal.ru: «Знание. Понимание. Умение»* – информационный гуманитарный портал, 2006-2015. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_concepts/ (дата обращения: 20.01.2015).

THE WORD IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND BEING

T.E.Vladimirova

This article is dedicated to the most ancient stratum of the Russian language picture of the word: the terms of relationship. Special attention is paid to the semantic changes from the original Indo-European form up to the form functioning in the speech of modern native speakers. The comparison of national forms of greeting etiquette testify to their both linguistic and cultural specificity stemming from clearly visible axiological representations and mental stereotypes typical of specific cultures and originating in the distant past. By studying the ancient period of functioning of the terms of kinship, it was possible to trace the evolution of the Russian linguistic consciousness which was formed on the foundations of the key community-based and family-based linguistic patterns. They illustrate the main difference between the old-Russian “musts” and the West-European individual-oriented concepts.

Key words: term of relationship, world picture, language mentality, being, intercultural communication.

1. *Gajdenko P.P.* Ontologicheskij gorizont naturfilosofii Aristotelya // *Filosofiya prirody v antichnosti i v srednie veka*. – М.: Proress-Tradiciya, 2000. – С. 37 – 77. (in Russian)
2. *Tarasov E.F.* Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya // *Yazykovoe soznanie i obraz mira* / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: IYa RAN, 2000. – С. 24 – 32. (in Russian)
3. *Zinchenko V.P.* Soznanie i tvorcheskij akt. – М.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2010. – 592 s. (in Russian)
4. *Trubachev O.N.* Istoriya slavyanskix terminov rodstva i nekotoryx drevnix terminov obshhestvennogo stroya. – М.: KomKniga, 2006. – 240 s. (in Russian)
5. *Benvenist E'.* Slovar' indoevropskix social'nyx terminov. – М.: Progress-Univers, 1995. – 456 s. (in Russian)
6. *Sreznevskij I.I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. Т.1. – М.: Gos. izd-vo inostrannyx i nacional'nyx slovarej, 1958. – 1420 s. (in Russian)
7. *Vernadskij G.V.* Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoj kul'tury. – М.: «Tovarishhestvo nauchnyx izdaniy KMK», 2005. – 339 s. (in Russian)
8. *Vladimirova T.E.* Prizvannye v obshhenie: Russkij diskurs v mezhkul'turnoj kommunikacii – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 304 s. (in Russian)

9. *Stepanov Yu.S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – M.: Akademicheskij Proekt, 2004. – 990 s. (in Russian)
10. Slovo o polku Igoreve. – M.: Nauka, 1985. – S. 9 – 20. (in Russian)
11. La Chanson de Roland. Texte critique, accompagné d'une traduction nouvelle // Gallica.bnf.fr: Bibliothèque numérique. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k102947j> (data obrashheniya: 01.02.2015). (in French)
12. Pesn' o Rolande. V perevode Yu.Korneeva // Pesn' o Rolande. Koronovanie Lyudovika. Nimskaya telega. Pesn' o Side. Romansero. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1976. – S. 27 – 144. (in Russian)
13. *Dal' V.I.* Slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. T.1. – M.: Russkij yazyk, 1978. – 699 s. (in Russian)
14. *D'yachenko G.* Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar'. – M.: Izdat. otdel Moskov. Patriarxata, 1993. – 1120 s. (in Russian)
15. *Dal' V.I.* Poslovicey russkogo yazyka: V 2 t. – T.1. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1984. – 383 s. (in Russian)
16. *Kireevskij I.V.* O xaraktere prosveshheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshheniyu Rossii (pis'mo k grafu E.E.Komarovskomu) // Kireevskij I.V.Razum na puti k istine. – M.: «Pravilo very», 2002. – S. 151 – 213. (in Russian)
17. *Pod'yachev S.P.* Derevenskie razgovory. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1975. – S. 19 – 167. (in Russian)
18. *Shukshin V.M.* Kalina krasnaya. Rasskazy. – M.: U-Faktoriya, 2004. – 576 s. (in Russian)
19. *Ivanov A.N.* Koncepty rodstva v russkom i shvedskom yazykax // Zpu-journal.ru: «Znanie. Ponimanie. Umenie» – informacionnyj gumanitarnyj portal, 2006-2015. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_concepts/ (data obrashheniya: 20.01.2015). (in Russian)

* * * * *

Владими́рова Татьяна Евге́ньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии Института русского языка и культуры МГУ имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

117218, Россия, Москва, ул.Кржижановского, 24/35.
E-mail: yusvlad@rambler.ru

Vladimirova Tatiana Evgenievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Cultural Studies, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences at Peoples' Friendship University of Russia.

24/35 Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
E-mail: yusvlad@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.03.2015